

6 "МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ" 7 сентября 1999 г.

ПЕРСОНА

— Мои последние выпущенные на рынок записи годовалы, то есть нет — полугодовой давности. Еще есть альбом, который я записал в Штатах. Он называется "Сто вопросов". Я работал над ним в американской студии, с американскими музыкантами.

— Почему решили писать альбом именно там?

— Просто появилась такая возможность. В первый раз я поехал туда, чтобы удовлетворить свое старинное желание и тщеславие поиграть рок-н-роллом с американскими музыкантами. Отчасти мне это удалось. Поэтому я решил повторить эксперимент. Но 17 августа расставили акценты немного по-другому, и этот самый альбом до сих пор лежит в ящике стола.

— Ваша музыка мне всегда казалась несколько слышавой, такой милой и мягкой, для домашнего пользования. Почему вы не хотите заняться чем-то более рок-н-рольным, более жестким?

— Вообще-то я играл рок-н-ролл. У меня был длительный период поиска жанра. Потом, знаешь, зрители да и рынок сами как-то отбрали то, что им нужно. И я стал выпускать такую продукцию, которая пользовалась бы спросом. Наверное, один мой образ уже сам диктовал восприятие моей музыки. Во всяком случае, отходы от этого образа не приносили успеха.

Один раз, во время пути 19 августа, после двух стаканов вина я написал одну развеселую разбитную песню. Мне говорили, что если бы я записал в таком стиле целый альбом, то меня бы ожидал грандиозный успех. Но, как ни странно, публика на концертах никогда не просила меня спеть эту песню. Может быть, если бы такая композиция прозвучала из уст Добрынина, то она стала бы шлягером.

Примерно то же самое происходит и с моими рок-н-рольными опусами. А по поводу "слышавости" — "неслышавости"... Меня этот упрек не расстраивает. Маккартни тоже обвиняли в "слышавости".

— Куда вы пропали в последнее время?

— Я пропал!

— Ну да. Не видно на телевидении, не слышно по радио.

На самом деле я появляюсь на телевидении, но поскольку там весьма много разнообразных программ, то мои песни, наверное, не замечаются. Я льщу себя надеждой, что меня чуть-чуть прижимают, возможно, в силу того, что я могу дать определенный уровень профессионального мастерства. А с другой стороны, я не готов платить, да и особого желания пока нет.

Неужели у вас, человека столь долгое время вращающегося в отечественных эстрадных кругах, нет связей в масс-медиа, с помощью которых можно было бы потихоньку продвигать свое творчество? Не мне вам объяснять, что сейчас без этого — никуда...

Почему же, у меня есть масса дружеских связей. Но большинство людей, с которыми я поддерживаю приятельские отношения, к сожалению, не определят сегодня политику в средствах массовой информации. С другой стороны, я как-то сознательно не пошел "ни под кого". Сейчас мы строим капитализм. Как помнится из школьных уроков, у нас идет процесс монополизации — крупные конгломераты пожирают мелких ремесленников. Я, как мелкий ремесленник, отхожу в тень. Но при этом стараюсь выпускать достаточно праритетную продукцию и не погибаю с головой.

— Меня всегда интересовал вопрос, на что живут артисты...

— Престарелого возраста?

— Нет. Артисты, не реализующие массовым порядком альбомы и не гастролирующие активно по стране.

— К сожалению, так сложилась не совсем удачная промоушено-промоутерская деятельность моих импресарио, среди которых был и небезызвестный господин Иратов. На дисках я совсем не заработал. Наоборот, работал в минус, поскольку надеялся, что когда-нибудь моим детям будет приятно узнать, что папа выпустил столько-то альбомов. Я решил, что надо записывать даже в ущерб себе. Что же кажется моих реальных заработка, то в основном они основаны на концертной деятельности.

— Вам не кажется, что ваше нежелание модернизировать собственную музыку все дальше и дальше ставит вас на обочину?

— Здесь есть определенное заблуждение. Дело в том, что существует целая группа поклонников, которая, к сожалению, не обладает такими денежными возможностями, чтобы посещать концерты любимых исполнителей. Но тем не менее они продолжают тепло ко мне относиться. У меня было достаточно много случаев, чтобы убедиться в этом. Я не думаю, что мне стоит их предавать. А с другой стороны, я не хотел бы предавать самого себя. Я стараюсь выпускать, что, что дорого мне и что найдет определенный отклик в сердцах моих слушателей.

Выезжаем на Кутузовский проспект. Вокруг двумя рядами бесконечные потоки машин. Солнце слепит гла-

Обычно договариваться о встрече со звездами приходится неделями. С Вячеславом Малежиком все получилось совсем иначе. Мы условились пересечься на обочине одного из московских шоссе.

Серый "Опель" одиноко стоял на тротуаре. Вокруг царило бодрое оживление будничного утра. Мимо лихо проносились потоки родных и неродных машин. Я плюхнулся на переднее сиденье, Слава завел мотор, и мы растворились в бурлящем океане утренних столичных улиц. Неожиданно мой именитый водитель спросил меня, слушал ли я его последние песни. Не скажу, что начинать наше общение мне хотелось именно с этой темы. Малежик за рулем иномарки казался мне гораздо интереснее Малежика с гитарой. Но так или иначе мы заговорили о музыке.

Стной в бардовских тонах

Вячеслав МАЛЕЖИК: "Надо плыть по течению"

за. Пауза несколько затягивается. Чувствуется, что надо как-то снимать возникшую напряженность.

— Считаете себя бардом?

— Когда меня так называют, то я не обижайся.

— То есть называют верно?

— Если бард — это человек, поющий песни, которые он сам сочинил, то почему бы нет. А если вкладывать в это понятие несколько иной смысл, то тогда все будет выглядеть так: есть треугольник с тремя вершинами — рок-н-ролл, бардовская песня и поп-музыка. И в зависимости от настроения человек тяготеет больше к одной из вершин.

— Очень занятная философия. Одна моя знакомая рассказывала, что, по словам ее мамы, с которой вы некогда работали в институте стандартизации, редкий обеденный перерыв обходился без вашего мини-концерта.

— Да, я работал во ВНИИ стандартизации после того, как закончил Московский институт железнодорожного транспорта. Потом меня пригласили в "Веселые ребята". И в отличие от инженерной деятельности музыка всегда была для меня скорее удовольствием, нежели работой.

— Получается, выбор вы сделали правильный.

— Я ни разу об этом не жалел. Самое главное, я никогда не говорил, что иду на работу. Ведь "работа" и "раб" — однокоренные слова.

Далее разговор вращается вокруг артистической доли, божественного провидения и предначертаний выше. Между делом заговариваем о "звездной болезни".

— Вы уже не "болеете"?

— Я переболел. Помню, когда пришел в "Веселые ребя-

та", у меня был довольно сильный всплеск "звездной болезни". Я все разговоры переводил на "Веселых ребят". Условно говоря, зашла речь о том, что в городе Ростове обнаружили вирус холеры. Я говорю: "Да-да. Ну вот мы с "Веселыми ребятами" как-то были в Ростове..." И так далее. Но постепенно эта "болезнь" прошла.

Потом, я знаю, что есть вершины, которых я никогда не смогу достичь. Например, я не смогу организовать, как Rolling Stones, концерт "Мосты в Вавилон", потому что... дальше многоточие. И я вовсе не комплексую и не психую по этому поводу.

— Вы работаете для публики или в большей степени для себя?

— Я считаю, что имеет место обратимый процесс. Это заметно и на записях, и на концертах, когда появляется определенный трепет. Как во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, между любовником и любовницей. Если этот трепет возникает, то он моментально передается слушателям.

— А на улицах узнают?

— Естественно. Несмотря на все ваши заявления про обочину и про "слышавость", которые я не пропустил мимо ушей. В принципе доброжелательно относятся. Я чувствую это.

— Вас практически не видно среди модной артистической тусовки.

— Это очень скучно на самом деле. Когда меня приглашают работать, я считаю, что должен отработать без халтуры вне зависимости от ситуации. Даже если в зале гремят ложками. А просто тусоваться... Да, я понимаю, что это, наверное, часть работы. Что я должен появляться там с BMW, печи инфляции. И сейчас я более трезво отношусь к своему положению, особенно от работы не отказываюсь и не кочевряжу.

Записывайте контактный телефон.

— Насчет контактов. Поддерживаете их, например, с вашей давней телеподругой Катей Семеновой?

— Знаете что, господин корреспондент, дело все в том, что это ошибка и заблуждение. В силу того, что нас видели несколько раз в программе "Шире круг" — самое интересное, что программа-то этих было всего шесть, — произошла удивительная вещь. Наш дут запал чем-то в душу зрителя и навсегда связал нас чуть ли не семьюмирами.

А мы по-разгильдайски отнеслись к тому, что про нас начали складывать сплетни. Если нынешние артисты зачастую нарочно придумывают про себя байки и пускают их в мир, то тогда они вознили абсолютно стихийно. В общем-то надо было бы кайфовать. Но опять же эта моя вечная бестолковость, и Катина в том числе. Может быть, даже в большей степени Катина, которая на всех углах, вместо того чтобы напустить туману и загадочно произнести: "Я вам не скажу", показывала своего мужа и рассказывала, какая она примерная семьянинка. Мы прохлопали момент. А отношения у нас действительно замечательные. Я считаю, что она — одна из лучших наших певиц. До сих пор. То, что она находится в тени, никак не умывает ее исходных данных.

— Вы сказали, что привыкли работать в охотку. В предстоящей предвыборной кампании вам хочется принять участие? Если, конечно, вам предложили бы поддержать этого человека, который вам симпатичен.

— Естественно, да. В принципе я уже ориентирован на сегодняшний день, от кого бы я принял это предложение.

— От кого?

— Ну, мне нравится "Отечество". Мне нравится Лужков. Потом, я лично знаком с Георгием Боссом. Я даже не буду вчитываться в программу движения. Достаточно того, что он там. Я верю человеку, и все.

— Вроде бы грядет новое тысячелетие. Не страшно переходить эту условную границу? У вас, как в большей степени человека уходящего столетия, имеются какие-то планы относительно новой эпохи?

— Жизненные силы, конечно, еще есть. Но я фаталист. Если мне повезет, то постараюсь этот шанс использовать. Если нет, то буду заслуживать счастье "трудовой и общественной деятельностью". Откуда я знаю, что будет дальше.

Когда-то я как примерный коммунист жил по перспективным планам. И когда неожиданно для самого себя к 38 годам я выполнил программу-максимум, которую перед собойставил, то растерялся и не знал что делать. Я понимал, что надо снова начать движение, а ради чего, не знал. Не было цели. Раньше я считал, что цель должна быть обязательно.

— А сейчас?

— Сейчас не считаю. Лет семь-восемь назад я сказал бы, что надо грести против течения. Теперь я говорю, что надо спокойненько плыть по течению и постепенно подплывать к берегу. И вообще, зачем искать жизнь, искушать судьбу? Надо принимать то, что она дает. Но я вовсе не собираюсь давать каких-то стопроцентных рекомендаций.

— Наверное, каждому возрасту свойственно свое отношение к жизни.

— Естественно. В каждом возрасте свои прелести. И в старости тоже. С потерей популярности жизнь не прекращается. Она полна и многогранна.

— Мы пришли к универсальной истине, что все в мире относительно.

— Во всяком случае, если мне в руки попадает песня с последним куплетом в стиле "мораль сей басни такова", я откладывая или от этого куплета, или от этой песни.

— Вы — оптимист в ваших песнях. Хорошо быть оптимистом?

— В общем, да. Несмотря на то что я достаточно часто получаю оглуши, мне гораздо приятнее жить с открытым забором. Приятнее верить, что жизнь добрая и милая штука. И не ждать, что кто-то влезет ко мне в душу и напопадет там ногами. Но это опять же мое личное восприятие. Хотя в то же время Библия к этому тоже призывает, так что, наверное, это не только мой опыт.

Наш разговор закончился в тихом и уютном столовом дворике, куда Малежик загнал свое авто. Едва я выключил диктофон, как Слава поставил кассету со своими песнями. Я слушал и смотрел в любовое стекло на окружающий пейзаж. Здесь совсем не ощущалось, что шумная и пропахшая парами бензина магистраль находится всего лишь в нескольких метрах. Рядом по дорожкам неспешно прогуливались бабушки с палочками. Где-то в небесах из всех сил надрывалась какая-то особо голосистая птаха. Наверное, Славины песни должны звучать именно в таком месте — на разбитом тротуаре, где стареющий клен роняет на землю свои пожелтевшие листья.

В конце концов каждый из нас выбирает тот путь, который ему ближе.

Дмитрий ГУСЕВ